

Григорий Померанц

Мое свидетельство

Я вспоминаю огорчение, которое доставил мне Александр Воронель, опубликовав ранний, забракованный мною вариант главы из «Снов земли». Текст был написан с чувством боли от гусениц танков на улицах Праги и ярости от споров с русскими патриотами, одобрявшими оккупацию. Я был возмущен имперским чувством, не различавшим своего, национального, от территории, по которой раз в жизни прошел русский солдат. В подходящей аудитории агитаторы не ссылались на пролетарский интернационализм, они прямо говорили (в школе, где работала подруга моей жены): у многих из вас на войне погибли отцы, братья, – это наше, это полито русской кровью! Учительницы плакали и одобряли мудрый шаг Леонида Ильича Брежнева.

Возмущение – опасное чувство. Я не замечал, что перебрал, что увлекся полемикой с имперским пафосом. Он очень не прост, и когда империя рухнула, я почувствовал другую боль и написал статью «Надгробное слово империи», без всякой иронии к покойной. Глава в «Снах» вышла чересчур яростной. Я это понял, когда Михаил Михайлович Бахтин, похвалив эссе «Эвклидовский разум в творчестве Достоевского» и начав долгий разговор про это, о главе из «Снов» не стал говорить – вернул молча. Я подумал: из нежелания спора. Поздний Бахтин избегал полемики. Мысленно перечитав текст его бесстрастными глазами, я почувствовал ту пену на губах, которую с тех пор осуждаю, и смягчил все, что возможно, но не стал сводить к нулю порыва, который пережил (переписывать прошлое считаю нечестным); только в предисловии объяснил ярость времени, толкавшего мою руку. В этом новом настроении публикация раннего забракованного варианта принесла мне боль и горечь. Но все проходит...

Это длинное предисловие позволяет сказать, что я понимаю возмущение Александра Исаевича Солженицына публикацией

Сидорченко; хотя реакция была, мне кажется, слишком резкой. В конце концов, «Евреи в СССР» (1965–1968) не намного хуже «200 лет вместе». В чем-то даже лучше, текст непосредственнее, искреннее, не запутан претензиями на объективность. Александр Исаевич – человек великих страстей, и подлинная объективность ему не дается. Сквозь скучные перечни фактов в «200 годах» то и дело пробивается чувство неприязни – то же, что и в варианте 1965–1968 гг. Чувство это я объяснил сразу после чтения «Круга первого» в анализе ночных воспоминаний Ройтмана: там легко заметить следы психической травмы, пережитой Саней Солженицыным в возрасте 12 лет и отзывавшейся острой болью – своего рода привычный вывих... Жаль, что Александр Исаевич, цитируя мое письмо 1967 года, все время обходит то место, где я прошу разобраться в своем подсознании и освободиться от чувства старой обиды. Он этого так и не сделал, старая детская боль прорывается в псевдоисторических трудах (старость ближе к памяти детства, чем зрелость; это общий закон). Но читать «200 лет» трудно, и в «Догматах полемики» («Звезда», №) я ограничился главами, где жизненный материал был мне хорошо известен (евреи на войне, евреи в лагере); а «Евреи в СССР» прочитались полностью с живым интересом. Я узнавал в нем автора, личность которого меня всегда занимала, человека, разум которого, как говорил Ларошфуко – «простофиля чувства»...

Текст начинается со слов, которые должны дать ключ ко всему дальнейшему: евреи сейчас очень помогают Солженицыну, и он им глубоко обязан; но его беспокоит судьба России. Это можно было бы принять, в несколько более объективной редакции: некоторые евреи, вместе с некоторыми русскими (тех и других было очень немного) пытаются противопоставить свою жизнь по совести официальной фальши. Иначе говоря, евреи активно участвуют в начинающемся движении диссидентов. Но тревожит то, что в случае развала советской системы выдвинутся какие-то другие евреи и воспользуются новой смутой так же,

как воспользовались смутой первых лет революции. Такой тезис я согласился бы обсуждать, – с одинаковым вниманием к обеим перспективам. Но ничего подобного обсуждение двух тенденций, двух аспектов диаспоры в общей жизни страны в брошюре нет. Есть взрывы ненависти, которая обрушивается сперва на издание однотомника Бабеля, потом (это уж к чему?) на переводы романов Фейхтвангера – и наконец разливается в серии карикатур на евреев в лагере и на войне. С этим не хочется спорить. Хочется пожалеть человека, не способного жить без ненависти. Хочется вспомнить, что без страстной ненависти не было бы «Архипелага ГУЛАГ». ...Увы, без великой цели та же бурная страстность мельчает и не укладывается ни в объективность, ни в кодекс законов о печати (при публикации частных писем, упоминании имен реальных лиц в воображаемых ситуациях и т.п.).

Так или иначе, текст «Евреев в СССР» опубликован и стал достоянием науки. Встает вопрос о его подлинности. По-моему, здесь не может быть двух мнений. Кое на что уже указал Валерий Каджая. Считаю своим долгом добавить, что фрагменты из моего письма и из письма моей жены произвели на нас впечатление наших собственных мыслей и нашего собственного слога. Это не подделка. Правда, сравнить с черновиками мы не могли; изъятые при обыске, эти материалы не были нам возвращены. Но у нас не осталось никаких сомнений, что текст подлинный. Он о многом говорит. В частности, я понял, что известная степень объективности в трактовке темы «евреи на войне» (в «200 годах») вызвана столкновением со статистикой (о числе призванных, числе награжденных и т.п.) Этой статистики в ГУЛАГ-е не вели. Там не награждали ни медалями, ни орденами, ни званием героя Советского Союза. Поэтому первоначальные, резко тенденциозные оценки без изменения перешли из «Евреев в СССР» – в «Архипелаг ГУЛАГ», а оттуда – в «200 лет вместе», часть 2. Критика этих оценок дана в моей статье «Догматы полемики», «Звезда», 2003, № . Сошлюсь только на одно место. Демоническая фигура Френкеля,

одержимого ненавистью к России, имеет очень мало общего с реальной биографией генерала Френкеля, командовавшего железнодорожными войсками в годы Отечественной войны. Если здесь можно говорить об одержимости, то только у писателя, создавшего этот образ, совершенно не считаясь с фактами. Отсылаю читателя также к критике идей Солженицына в моей книге «Сны земли», Париж, 1984, глава «Сон о справедливом возмездии», и к анализу психологии обиды в «Записках гадкого утенка», Москва, 1998 или 2003, глава «С готовностью на поражение».

Однако дело не только в предубеждениях, укорененных с детства. Дело еще в народном мнении, к которому Солженицын прислушивается. И здесь я могу, опираясь на мой фронтовой опыт, разъяснить некоторые тайны, которые никогда официально не раскрывались.

Первая тайна – почему евреев не было в передовой цепи? Потому что их очень редко направляли в стрелковые роты. Еврей мог стать стрелком скорее в обход райвоенкомата, записавшись в ополчение. Так я и мои друзья записались 16 октября 1941 года, чтобы защищать окраины Москвы, если немцы прямо на них пойдут. В нашем отделении было три еврея. В группе, стихийно сложившейся в первом бою, уже в феврале 1942-го, был пулеметчик Пурнашкин (мордвин), двое русских и два еврея, оба в очках. Один из них я, другой некто Френкель (опять Френкель!) и девушку вспоминаю, рядом с которой рыл окоп под Москвой, в ноябре 41-го, тоже еврейка. Общих процентов я не подсчитывал, но думаю, что порядка десяти. Еврейские лица всюду мелькали. То же примерно мне рассказывали о первом, июльском ополчении.

Однако райвоенкомат исходил из того, что на современной войне нельзя использовать образованных людей в качестве рядовых пехотинцев. Интеллигентов посылали в военные школы. А мальчиков со средним образованием, попадавших в маршевые роты, разбирали сперва армейские спецподразделения, армейские артиллеристы, потом – в стрелковых

дивизиях – артиллерийский полк и т.п., в полках – опять артиллеристы и минометчики, и, наконец, в батальоне – минометная рота. В стрелковые роты поступали обсевки, с образованием от 7 классов и ниже; или наспех мобилизованные из только что освобожденных областей, где евреи были изъяты зондеркомандами.

В батарее звуковой разведки, которой командовал капитан Солженицын, служили два еврея: это обычный факт. Служили евреи и в стрелявших батареях, я встречал. Там нужно знать тригонометрию. А вот евреев в стрелковой цепи, в обыкновенной, не ополченской 258 стрелковой дивизии, за два года службы там – не встречал. Слышал о еврее – командире стрелковой роты, но познакомиться с ним не успел. Зато, по своей службе газетчика, успел подружиться с двумя евреями – командирами батальонов, с некоторыми ПНШ (офицерами штаба полков); и, наконец, 258 стрелковая дивизия стала 96-й гвардейской под командой полковника Левина.

Теперь вспомните, что по числу награжденных евреи стоят на четвертом месте, обойдя казанских татар и башкир (по моему убеждению, – лучших наших пехотинцев). По Героям Советского Союза евреи на шестом месте (после татар и башкир), но представление на Героя лично подписывал Сталин, а он евреев не любил. Во всяком случае, и по Героям место евреев по числу награжденных выше, чем по числу призванных. Я только из немецких источников узнал, что по числу призванных место евреев седьмое. А более точные данные появились совсем недавно. Русские исследователи стараются не наталкивать читателя на расчет: а сколько же выходит награжденных на 100.000 призванных. Расчет показывает то, что без объяснения нелепо: по числу награжденных на 100.000 призванных евреи обходят всех. Почему? Евреи воевали не лучше всех, а примерно так же, как русские, украинцы, татары. Но статистику раздувает высокий уровень образованности. Евреи – народ диаспоры. Среди них более двух тысяч лет не было малограмотных крестьян. И все

эти две тысячи лет люди работали головой больше, чем руками. После упразднения процентной нормы очень многие устремились в институты, университеты. И когда началась война, евреи служили офицерами чаще, чем солдатами. А офицеры получают ордена гораздо чаще, чем солдаты. Оставаясь формально рядовым, я получил только скромную медаль «За боевые заслуги»; а получив звание младшего лейтенанта – орден «Красной звезды» и «Отечественной войны II степени» (хотя не стал ни умнее, ни добросовестнее, ни храбрее).

Бедолага – пехотинец, искалеченный войной, мог ворчать, что не встречал евреев в передовой цепи; молва охотно это подхватывала. Но здесь не было никакой еврейской хитрости. Действовал общий порядок комплектования.

Остается объяснить, откуда взялся 5-й Украинский фронт и как он воевал. Люди моего возраста все помнят шутку, что 5-й Украинский фронт взял Ташкент. Но только летом 1944 года передо мной раскрылась тайна, как это вышло. Я служил тогда недолгое время комсоргом 3-го батальона 291 гв.с.п. И наш батальон неожиданно получил пополнение – 8 или 9 евреев. Трое – с высшим образованием (двое варшавян и один из Кишинева). Я поговорил с ними и узнал, что все они – беженцы из областей, присоединенных в 1939–1940 гг. или даже из Польши. Все приняли советское гражданство (тех, кто отказался это сделать, отправили в лагеря; оттуда потом выходцы из Польши попали в армию Андерса). Однако присоединения 1939–1940 г. никем не были признаны. И если бы наша армия в 1945 г. оставалась где-то на Днестре, то эти присоединения могли быть аннулированы. Поэтому беженцев трактовали как полуиностранцев, посылали на трудовой фронт, но в армию не брали. И множество беженцев скопилось в Ташкенте: во-первых, тепло; во-вторых, подальше от Гитлера.

Положение изменилось в 1943 году. После капитуляции Паулюса и победы на Курской дуге, Сталину море стало по колена и он распорядился

беженцев призвать и отправить рядовыми в стрелковые роты. Невзирая ни на какие дипломы.

Вскоре рота лейтенанта Сидорова, куда попали беженцы, отличилась в бою. За исключением одного, беженцы держались прекрасно. Нелицеприятный Сидоров шестерых евреев представил к медали «За отвагу». Я как литератор оформлял наградные дела; замполит, старший лейтенант Скворцов, только подписывал. На этот раз – не подписал: «Недавние советские граждане, пусть еще повоюют». Как могли повоевать четверо раненых и эвакуированных, оставалось неясно. Самому Сидорову я написал красивое представление, кажется, на «Красное знамя», но он махнул рукой: с 1941 г. в черном списке, вышел из окружения без знаков различия. С тех пор – лейтенантом, командиром стрелковой роты, без продвижения и без орденов. К своей судьбе он относился с великим терпением, солдаты в него верили – и не подвели в бою... После второго боя Сидоров снова представил к медали «За отвагу» двух евреев, оставшихся в строю. На этот раз Скворцов подписал.

Через несколько дней одному из оставшихся отшибло миной левую руку по локоть. Последний, старшина Эйдельман, агроном из Молдавии, был назначен командиром хозяйственного взвода вместо прежнего, украинца, в состоянии шока выстрелившего себе в руку и без огласки пониженного в должности (гуманное решение комбат скрепил парой оплеух). И опять в стрелковой цепи не оказалось ни одного еврея.

Я не знаю, как служил контингент 5-го Украинского в других батальонах; но если не хуже, чем у нас, то надо с почетом внести этот фронт в летописи Отечественной войны.

А рукопись, изданная Сидорченко, стала книгой; и какова бы ни была форма публикации книги, без нее не обойдется ни одна научная биография Солженицына. Это факт истории литературы, истории нашей общественной мысли, истории напряженных отношений между двумя формами исторического бытия: привязанности к земле и диаспоры. Из

книги вытекает, что само бытие диаспоры есть зло. Я думаю, что Солженицын ошибается; но это не его личная ошибка, это один из фантомов, созданных историей. И «Евреи в СССР» – один из поводов продолжить анализ, начатый в «Записках гадкого утенка». Если будут силы, я его продолжу.

ДОПОЛНЕНИЕ

Я понимаю возмущение Солженицына неожиданной, не разрешенной публикацией рукописи 1965–1968 гг. под названием «Евреи в СССР и в будущей России». Пиратское издание Сидорченко выставило то, что можно понять как эскиз «200 лет», но эскиз, написанный сгоряча, вызвавший встречную волну сопротивления у самого автора и поэтому отставленный. Сидорченко грубо нарушил авторское право. Но я не понимаю, почему Александр Исаевич попытался объявить текст как бы не существующим и не допускающим обсуждения. Что написано пером, не вырубишь топором. Скандальную исповедь Ставригина, изъятую из «Бесов» по требованию Каткова, сегодня прочел каждый русский интеллигент. И даже личное письмо Пушкина Вульффу, оскорбительное для памяти А.П.Керн, широко известно. Филология – беспощадная наука. Она не считается с запретами.

Тем не менее, я готов уважать волю автора и не комментировать текст публикации. Там нет ничего хитрого, будущие филологи сами разберутся. Но тут есть некоторые деликатные проблемы. Если Солженицын – хозяин своего текста, то и я хозяин отрывка из моего письма, которое он цитирует. И я свидетельствую, что это действительно обрывок моей мысли. Что он взят из моего письма 1967 г., с которым автор полемизирует в своем обычном стиле. Что Солженицын вряд ли показывал многим письмо в целом. Там было место, которое он всегда обходит: мое предложение разобраться в собственном подсознании и освободиться от комплекса застарелой обиды, от следов психологической

травмы, пережитой не вымышленным Олегом Рождественским, а самим Саней Солженицыным в Ростове, в 1930 г. И я уже писал, что черновики письма были изъяты при обыске и никак помимо Солженицына мои письма и письма моей жены не могли попасть в руки Сидорченко.

И я также вправе заявить, что обрывок моей мысли вне контекста выглядит по меньшей мере странно, и пояснить, о чем шел разговор: как писатель может избежать опасности оскорбить одних и растравить ненависть других. Шаламов нашел выход в изображении отрицательных героев без национальных примет. Булгаков придумал другой прием. Он рисует дураков и мерзавцев парами, подчеркивая эту парность сходством начальных букв фамилий: Шариков – Швондер, Берлиоз – Бездомный. Я советовал Солженицыну учесть опыт Булгакова. К сожалению, Солженицын, переходя от прототипа к художественному изображению, меняет национальность только в одну сторону и так же поступает в подборе фактов.

Приведу примеры. Лев Копелев, товарищ Солженицына по шарашке, рассказывал мне, что отчаянный парень, раскрывший, кто стучит, был еврей. Солженицын дает ему русский псевдоним. Валерий Каджая разглядел другой подобный пример. Солженицын, несколько раз говоря о руководителе известного лагерного восстания, в 3-м томе «Архипелага», ни разу не называет его фамилии; видимо, она для него неприятно звучала. Третий случай заметил я сам. Было такое позорное письмо, подписанное в 1953 году несколькими известными евреями. Солженицын в «200 годах» перечисляет фамилии подписавших; германский исследователь Люкс – фамилии отказавшихся подписать. Каждый нашел то, что искал (может быть – подсознательно).

Вторая проблема, требующая обсуждения – всенародные пристрастия, выступающие во многих сочинениях Солженицына: в «Круге первом», в «Архипелаге», в «200 годах», т.е. не только в рукописи 1965–1968 гг. Солженицын неоднократно ссылается на общее мнение. Мой

фронтальной опыт позволяет раскрыть, как возникает очевидность предубеждений.